

ЗИНАИДА ГИППИУС

НА ВЕРЕВКАХ

Зинаида Николаевна Гиппиус

На веревках

Аннотация

«– Что? Хорошо? Хорошо? Неужели вы боитесь, Нина?

Длинная, новая, светлая еще доска широкими размахами взлетала вверх, все выше с каждым летом; вот – уже выше запыленных и вянущих акаций у забора садика, а вот, скользнув низко мимо убитой серой земли, – подножия качель, – взмыла по другую сторону выше молоденькой березки...»

Зинаида Гиппиус

На веревках

– Что? Хорошо? Хорошо? Неужели вы боитесь, Нина?

Длинная, новая, светлая еще доска широкими размахами взлетала вверх, все выше с каждым летом; вот – уже выше запыленных и вянущих акаций у забора садика, а вот, скользя низко мимо убитой серой земли, – подножия качель, – взмыла по другую сторону выше молоденькой березки.

– Нет... Я не боюсь... Я люблю... – говорила девушка, упруго, крепко стоявшая на одном конце доски.

Качели были новые, столбы высокие, кольца не скрипели. У Нины из гладкой прически выбились легкие, щекотавшие лицо, волосы. Щеки разгорались от ударов острого, уже осеннего, воздуха; не поспевающее серое платье обливало ее колени, и там, наверху, трепетало и билось в воздухе.

На другом конце доски стоял высокий и плотный студент-медик, жених Нины, Могарский.

– Держитесь крепче... Ведь мы выше дачи летаем!.. Видите, а третьего дня нельзя было... Я велел удлинить веревки. Чем длиннее веревки, тем шире размах. Ну-с, итак, Ниночка? Что вы еще имеете возразить?

Он не усиливал взмахов, но и не давал им умериться.

– Мы так высоко... И солнце слепит... Трудно разговаривать серьезно, – сказала девушка.

Она дышала неровно от ветра качаний; но Могарский говорил точно со стула, и солнце ему не мешало. Впрочем, оно было неяркое, – желтое августовское солнце.

– Да ведь голова не кружится? – сказал Могарский. – Тут-то и говорить, когда летаешь. Если, конечно, голова не кружится.

– Что же возражать? Я верю в вас... Да, я хотела бы возразить. Для меня есть неясное... У меня есть вопросы...

– Я смотрю на вас, как на равноправного человека, Нина, – сказал Могарский, глядя на нее прищуренными глазами. Он был близорук, но очков не носил. – Неясное должно выясниться. Всякая «вера» – это нечто несуществующее. Существует лишь то, что познается. Вы должны знать. Все надо знать; и граница человеческого познания – только граница человеческого мира.

Они, вероятно, уже давно вели этот серьезный разговор.

– Мама, я думаю, беспокоится, – сказала девушка при последнем взлете. – Вон она на балконе. Вы подождите немного. Отдохнем. А потом опять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.